

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Ўн учинчи йил нашри

6
1969

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания тринадцатый

Наманган. Торговля здесь имела розничный характер и велась преимущественно в базарные дни (два-три раза в неделю). Главными предметами торговли были мануфактура, продукты земледелия и животноводства.

Профессиональными торговцами на местных базарах были так называемые чор-бозорчи — мелкие торговцы, переезжавшие с одного базара на другой. Само название их «чор-бозорчи» (чор — перс. «четыре») обозначало «торгующий на четырех базарах». Товары для торговли они приобретали у городских оптовиков.

О масштабах торговли в Ферганской области в середине 70-х годов XIX в. могут дать представление следующие данные. В 1876 г. ввоз товаров по уездам области превысил 498 тыс. руб., а вывоз — 75 тыс. руб.⁸

Главным рынком оптовой торговли чаем в Средней Азии к концу XIX в. стал Самарканд. Чайная торговля в городе была сосредоточена в руках трех русских, семи персидских и двух пешаварских (индийских) фирм. В 1897 г. из Самарканда было вывезено 1 751 684 фунта черного и зеленого чая.⁹

К 1898 г. в Самаркандском уезде насчитывалось свыше 6500 торговцев и существовало 28 базарных пунктов¹⁰.

В сельской торговле Самаркандского уезда, как и других районов Туркестана, основную роль играли городские торговцы, продававшие свои товары и скупавшие местное сырье. С помощью различных махинаций они обирали трудовое население оседлых и кочевых районов и как потребителей, и как производителей.

Хищническая деятельность российского и местного торгового капитала, пользовавшегося покровительством колониальных властей и тесно связанного с промышленной буржуазией, байско-феодалными и ростовщическими элементами, тяжело отражалась на положении трудящихся масс края.

В то же время развитие оптовой и розничной торговли способствовало росту товарно-денежных отношений, денатурализации сельского хозяйства, сложению единого туркестанского рынка и укреплению его связей с общероссийским, а через него — и с мировым рынком.

А. Алимов

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение этнического состава населения различных районов Узбекистана в историческом аспекте — одна из важнейших задач наших этнографов. Вопрос этот исследован еще далеко недостаточно. В частности, в нашей литературе не нашел должного освещения этнический состав населения районов Голодной степи. Здесь мы вкратце охарактеризуем этнический состав населения данного района в конце XIX — начале XX в.

Голодная степь расположена на стыке земледельческих районов Ферганской долины, Самаркандской и Ташкентской областей. В рассматриваемый период население ее по роду занятий делилось на оседлых земледельцев и ремесленников, полуседлых жителей, сочетавших земледелие с животноводством, и кочевников-скотоводов.

Оседлое население размещалось на юге Голодной степи — в Джизакском уезде (в бассейне реки Санзар, на склонах Нуратинских и Мальгузарских гор), а также в северо-восточной части степи, вокруг канала «Романовского».

Основными населенными пунктами здесь были Джизак, Заамин, Фариш, русские поселки: Надеждинский, Стретенский, Романовский, Николаевский, Верхне-Волынский, Нижне-Волынский, Конюгвардейский. Всего в Голодной степи в конце XIX в. проживало 175 тыс. человек¹. Среди оседлого на-

селения насчитывалось более 18 тыс. узбеков, 4843 таджика, 3500 русских, 51 казах.

В формировании состава населения отдельных пунктов Голодной степи участвовали переселенцы из других местностей. Например, в Джизаке жили переселенцы из Бекабада — бекабадлы, Самарканда — самаркандлы, Ташкента — ташкентлы, Уратюбе — уратюбелы и др.²

Основную часть оседлого населения Голодной степи составляли узбеки. Сравнительно малочисленной группой были таджики. Они селились к северо-западу от Джизака, на северных склонах Нуратинских гор, а также в Ходжентском уезде.

Наша этнографическая экспедиция выяснила, что таджики Фаришской волости делились в прошлом на роды: сайны, халадж, кунсай. По сообщению нашего информатора, 66-летнего Г. Имамова, таджика по национальности, род сайны принадлежал к племени найман³.

Представители племен бахрин, джадоир, митан, найман, жившие на северных склонах Нуратинских гор, называли себя тадж-

¹⁰ Справочная книжка Самаркандской области за 1898 г., Самарканд, 1899, стр. 96, 104.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, XXXIII, Самаркандская область, СПб., 1905, стр. 2—3.

² Полевая запись автора 1966 г.

³ Полевая запись автора 1963 г.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 22517, л. 231.

⁹ Обзор Самаркандской области за 1902 г., Самарканд, 1903, стр. 25.

жиками, хотя мы находим в них тесное переплетение тюркских и монгольских этнических черт. Они в одинаковой мере говорили на узбекском и таджикском языках. Таким образом, в этих горных районах таджики, расселившись среди узбеков, постепенно сливались с их родоплеменными группами.

Оседлыми жителями Голодной степи во второй половине XIX — начале XX в. были и русские — выходцы из различных губерний России, главным образом Самарской, Киевской, Воронежской, Оренбургской.

Среди полукочевого населения Голодной степи подавляющее большинство также составляли узбеки (145 280 человек в 1897 г.)⁴. Они расселились в юго-восточной части Джизакского уезда и на юго-западе Голодной степи.

Одним из наиболее крупных родов полуседлых узбеков были юзы (15 тыс. человек)⁵. В Ходжентском уезде они образовали несколько кишлаков в Чакирском и Наугандинском аксакальствах и расселились родовыми группами (например, парча-юз, карапчи, марка и др.) в 437 юртах.

В кишлаках Пишагар и Узз население относилось к племени марка. Входящие в племенной союз марка кырк-юзы расселились на северо-востоке Джизакского уезда. В прошлом их называли кырк-минг-юз и рассматривали как один из узбекских родов. А. Гребенкин, однако, писал: «На самом же деле оно составлено из слияния названий трех самостоятельных, но родственных между собой родов: Кырк-, Минг и Юз. Кырк-Минг-юзы преобладают в полосе от Нау через Ура-Тюбе к Джизаку включительно»⁶.

В конце XIX в., по данным А. И. Макшеева, юзы делились на крупные родовые группы: парча-юз, хтай-юз, солин, уяс, карапчи, найман-ирганаклы, беш-юз, сулахи. Каждая из них состояла из мелких родовых групп. Некоторые роды, упомянутые А. И. Макшеевым, встречаются и у других среднеазиатских народов.

Нам удалось выявить у юзов Голодной степи ряд мельчайших родовых групп,

ранее не известных исследователям. Например, выяснилось, что тогай-топи делились на 4 топа: олтымыш-топ, кал-топ, бозор-топ, сормор-топ.

Роды баймаклы, болгалы, костамкалы, кырксадок, ачамайлы, каракурсак, туркмен, мангит и другие встречались и в составе каракалпакского народа⁸.

Представители рода алма-суан обитали и в предгорных селениях Джизака, где они составляли один из компонентов племени кырк⁹.

Род карабчи в наших этнографических материалах назван коканд-карабчи. У А. И. Макшеева в эту группу включены баяуты¹⁰. Однако во время экспедиции 1964 г. из бесед с информаторами-баяутами мы выяснили, что они считают себя узбеками, не входят ни в какую группу и в прошлом делились на два рода — сапрош-лик и кирсадок¹¹.

Д. Е. Еремеев отмечал, что боят — это тюркское племенное название, которое трансформировалось в русских летописях в «боуты»¹².

В юго-восточной части Джизакского уезда обитали представители племени канглы — потомки одного из древних тюркоязычных племен, впоследствии вошедших в состав узбекского, казахского и каракалпакского народов.

К кочевому скотоводческому населению Голодной степи в основном относились казахи. В административном отношении кочевое население делилось в пределах волостей на аульные общества (административные аулы), имевшие порядковые номера или носившие официальные названия¹³.

Каждый род имел свои места летних и зимних кочевков, на которые временно устанавливалось право собственности.

К концу XIX в. между оседлым, полуседлым и кочевым населением усиливаются экономические связи, что отражалось на их хозяйстве и культуре.

⁸ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 413.

⁹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I. Бухара, Ташкент, 1926, стр. 20. См. также В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950.

¹⁰ А. И. Макшеев. Указ. статья, стр. 79.

¹¹ Полевая запись автора 1964 г.

¹² Д. Е. Еремеев. Проникновение тюркских племен в Малую Азию, М., 1964. (Материалы VII Конгресса антропологов и этнографов).

¹³ На составленной в 1916 г. М. С. Андреевым карте в Кызылкумской волости Джизакского уезда отмечены, в частности, такие роды, как аргын, джалорин, исты, кипчак, канглы, найман, кора-кусы, уроз-кедды и т. д. (рпк. ИИА АН УзССР, инв. № 326).

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., стр. 3.

⁵ Список населенных мест Самаркандской области, опубликованный в «Материалах по статистике Самаркандской области 1887—1888 гг.», СПб., 1890, стр. 4.

⁶ А. Гребенкин. Минг. Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. III, СПб., 1874, прим. О кырк-юзах см., в частности, «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 203.

⁷ А. И. Макшеев. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, Записки Русского географического общества, отд. статистики, т. 2, СПб., 1871, стр. 39.

Основным занятием оседлых жителей Голодной степи было поливное земледелие. Они выращивали кукурузу, хлопок, зерновые, занимались садоводством, виноградарством, скотоводством, а также ремеслом и домашними промыслами.

Ремесленное производство в основном было сосредоточено на территории старого Джизака и пригородных кишлаков. В одном и том же селении можно было встретить земледельца и ремесленника.

Характерно, что названия отдельных ремесел закрепились и в топонимике. Известны, например, кишлак Заргарлик (т. е. селение ювелиров), Уста-кишлак (селение кузнецов). В кишлаках голодно-степской части Ходжентского уезда уже в начале 70-х годов XIX в. было зафиксировано 62 ремесленные лавки (кузнечная, гончарная, ткацкая и др.)¹⁴.

В хозяйстве полуседлого населения Голодной степи основным занятием было скотоводство, сочетавшееся с земледелием.

Например, баяутцы в конце XIX в. занимались скотоводством. Еще недавно среди них бытовала поговорка, отражавшая их бытовой образ жизни: «Моли бор, одамга девор булмайди» (у кого есть скот, тому чужды стены). В то же время они выращивали на богаре ячмень, пшеницу, а в пойме реки — бахчевые.

У полуседлых жителей было развито и домашнее ремесло. Так, баяутцы в зимнее время изготавливали циновки, берданы, мешки; женщины ткали ворсовые ковры и т. д.

Этнографические материалы показывают, что к концу XIX в. среди кочевников и полукочевников районов Голодной степи усиливаются тенденции к оседанию. Однако колониальные власти запрещали местному населению осваивать орошенные земли Голодной степи.

В то же время среди коренного населения углубляется социальная дифференциация.

В этих условиях разорявшиеся слои коочевого и полукочевого населения становились поставщиками рабочей силы (батра-

ков, мардикеров, чайрикеро́в) для хозяйств русских переселенцев-кулаков.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в процессе совместного обживания районов Голодной степи между коренным и русским трудовым населением усиливались хозяйственные и культурные связи. Русские крестьяне с помощью узбекских дехкан учились выращивать на поливных землях хлопок, маш, кунжут, бахчевые и другие культуры, строить дома из крупного сырового кирпича (русские называли его чимовым).

В быт русских переселенцев входила домашняя утварь, изготовленная ремесленниками-узбеками Ура-Тюбе, Джизака, Ходжента. Русским крестьянам полюбились узбекские блюда — плов, шурпа, машевая каша, кулчай (нарезанное тесто, сваренное в мясном бульоне) и т. д. В язык русских поселенцев прочно вошли многие узбекские слова (ганч, чия, кетмень, теша, пиала и др.), а местное коренное население овладевало русским языком.

В русских поселках со временем селились узбекские семьи. Некоторые из них вступали в родственные отношения с русскими крестьянами. Например, один из наших информаторов, престарелый колхозник из сельхозартели «Узбекистан» Гулистанского района Марха Турсукулов вспоминает: «Трудовую деятельность я начал с пастушества в русских поселках... Постепенно начал понимать их язык... Мой брат женился на русской женщине, и наша семья построила себе кипу (юрта из камыша) на окраине поселка Романовского»¹⁵.

Таким образом, начавшееся в конце XIX в. освоение Голодной степи приводит к этническим процессам, изучение которых представляет большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами динамики этнического состава населения различных районов Узбекистана в историческом аспекте.

Б. Аминов

ШАХМАТНЫЙ КОНЬ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В северной части городища Афрасиаб, между холмом бывшей цитадели города и арком Сиаб, находится большая естественная котловина. В центре ее имеется углубление с крутыми стенами. С востока стена углубления отвесна; в ней вырублены подземные помещения пещерного типа (сардахона), служившие местом отдыха в жаркое время. В ближайшей к цитадели сардахона при расчистке была найдена шахматная фигура коня; сделанная из расплавленной стеклнной массы.

Высота фигурки — 5,5 см (рис. 1). Она представляет собой голову коня с шеей. Внизу шеей придана округлая форма, оконечная сверху кольцевым ободком. К нижней части фигурки были прикреплены три маленькие прямые ножки, из которых одна сохранилась, а от двух остались изъясны на месте их крепления. От долгого пребывания в земле стекло в некоторых местах иризировано.

Изображение коня дано несколько примитивно и схематично. На морду свисает челка, а на шею опущена грива. Уши отбиты. Верхняя губа отделена от нижней резким выраженным углублением.

¹⁴ Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Под ред. Н. А. Маена, вып. I, СПб., 1872, стр. 42—44.

¹⁵ Полевая запись автора 1964 г.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA
IJTIMOIY
FANLAR

2002

3—4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 6 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХОРЕЗМА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В этнической истории народов Приаралья особое место занимают образование и распад Золотой Орды. Этот период характеризуется важными сдвигами в этнокультурном процессе в регионе. В XIII—XIV вв., как и раньше, границы Хорезма примыкали к Великой Степи — Дешти-Кипчаку. Во взаимном общении оседлоземледельческого населения и кочевников прогрессировала этническая консолидация. В источниках еще до появления монголов в Хорезме неоднократно упоминаются сочетания разных этнических группировок. Ибн Фадлан (921—992) пишет о Замджан (Шемахакале): «Это врата тюрков» («бабат тюрк»)¹, а ал-Макдиси (985) отмечает: «Это места торговли с гузами тюрками»². Автор «Худуд ал-Алем» указывает: «Кят — главный из городов Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрков»³. По сообщению Ибн ал-Асира (1160—1234), население Хорезма состояло из «кипчаков, канглы и хорезмийцев»⁴. Плано Карпини (1246) писал, что в Хорезме говорят по-комански (т. е. на одном из тюркских наречий). По данным грамот хорезмшаха Текеша (1172—1200), в этносоциальном составе северных приграничных городов Хорезма преобладали тюркские народности⁵.

В XI—XIII вв. крупные племена Великой Степи стремились к союзу с Хорезмом и нередко закрепляли его брачными узами.

В первой половине XI в. на землях Хорезма осело значительное количество тюркоязычного населения — огузов, кипчаков и др. В 1034 г. хорезмшах Хорунбек отдал огузам землю около Шурахана и рабата Маш (район Гавхорз)⁶. В Каваткалинском оазисе встречается привозная кочевническая посуда сырдарьинского происхождения. В эпоху хорезмшахов появились смешанные хорезмийско-кипчацкие поселения в районе Дарьялика, близ Ургенча. Привозная посуда типа китайского селадона, находки бронзовых монет XIV в., серьги в виде вопросительного знака свидетельствуют о существовании этих поселений и в золотоордынское время⁷. В начале XIII в. произошло перемещение крупных племенных групп: спасаясь от грабежей, часть тюркских племен откочевали в оседлоземледельческие районы.

Этнические процессы у народов Приаралья особенно усилились в эпоху Золотой Орды. Улус Джучи — это конгломерат народов с неоднородным уровнем развития и разной культурой.

В XIII—XIV вв. в состав населения региона входили представители местных тюркских и ираноязычных народностей, а также племен, еще не консолидировавшихся в народности, включавших и оседлых, и кочевников. Как и в остальной части Золотой Орды, в городах здесь преобладало тюркское население. Даже в Сарае, где было сконцентрировано значительное число иноземцев, судя по данным Ибн Баттуты, проживало в большинстве своем тюркоязычное население⁸. Центрами обитания тюркских народностей в Хорезме были города, где вместе с тем было сосредоточено большое количество разноэтнического населения. Но наибольшую по численности группу составляли тюркоязычные хорезмийцы. «Хорезм (Ургенч) — один из самых больших,

¹ Материалы по истории туркмен и Туркменин... Т. I. М.; Л., 1939, С. 158.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 216.

⁴ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 32.

⁵ Семенов А. А. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи Хорезмшахов в XII в. // Изв. АН Тадж. Отд. общ. наук. 1952. № 2. С. 24—26.

⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963. С. 360.

⁷ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976. С. 128—129.

⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 306.

значительных и красивых тюркских городов»⁹. Хотя информация Ибн Баттуты относится к Ургенчу, тем не менее он подразумевал под «тюрками» жителей всего Хорезма.

В нарративных источниках население Чагатайского Мавераннахра и Золотой Орды именуется «тюрки»: «Узбек—султан земель Туркестана (т. е. «страна тюрков»)»¹⁰. Характеристику этнического состава населения Хорезма дополняет сообщение Рашид ад-Дина. Он пишет, что «юрта (ставка) могущественного Салджида Кунграда находилась близ Хорезма»¹¹. Важность этого сообщения состоит в том, что племена кунграт вошли в этнический состав народов Приаралья — узбеков и каракалпалков, тюркизированные племена и роды («шайр ва кабайль») кунграт консолидировались в Приаралье и превратились в очаги формирования новых этносов.

В XIII—XIV вв., а возможно, и раньше, разные племена под влиянием тюркоязычных этносов начали менять свой этнический облик. О сложившемся этническом процессе в зоне оседлоземледельческих культур и Дешти-Кипчаке писал Ибн Фадлах ал-Омари (1301—1349)¹². По данным этого автора, в Золотоордынском государстве преобладал тюркский этнос. Исследователь культуры кочевников Восточной Европы и Золотой Орды проф. Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что «пришедшее в степи Дешти-Кипчака монгольское население было сравнительно незначительным, а степные территории сохраняли старое кочевое население, которое сменило свою родоплеменную аристократию на хозяев — степных ханов Золотой Орды и их эмиров»¹³.

Хорезмские города исследуемого периода в этом плане не составляли исключения. Постепенное сокращение численности татаро-монголов в золотоордынских городах было обусловлено тем, что тюркское ядро городского населения постоянно ассимилировало пришлые элементы и определяло этнический облик города (Ибн Баттута).

Миграция кочевников степей прогрессирует в результате стремительного продвижения монгольской орды на запад, через Приаральские степи. Естественно, что влияние пришельцев на Приаралье должно было отразиться и в характере погребальных памятников, хронологически непосредственно следующих за монгольским нашествием, т. е. в погребениях XIII—XIV вв. Кочевнический элемент золотоордынского времени в памятниках Хорезма известен по материалам археологических объектов. В XIII—XIV вв. среди городского населения здесь появились литые бронзовые (золотые) серьги в форме «вопроса» в верхней части и с фигурным концом снизу, на которое надевалась подвеска из жемчужных бусин¹⁴. Аналоги подобных серег хорошо известны по материалам из кипчакских погребений Средней Азии, Сибири и Поволжья¹⁵.

В некрополе Миздахкана XIII—XIV вв. отмечаются новые явления (погребение в дощатых гробах или рамах, ориентировка костяка, погребальный инвентарь), которые позволяют предполагать прямое присутствие среди населения городов выходцев из Дешти-Кипчака. В 1987 г. на бугре «Жомарт кассаб» в специальных «оградках» были раскопаны скелеты с погребальным инвентарем. Так, в ограде № 1 обнаружено шесть сероглиняных кувшинов XIII—XIV вв. В них находились 18 яиц, по три в каждом, и щепотки крупнозернистой соли. Яйца были покрыты арабской надписью, нанесенной черными чернилами. Яйца обнаружены также в погребениях № 9, в в ограде № 4¹⁶.

На основе накопленного фактологического материала еще трудно определить этническую принадлежность захороненных на холме «Жомарт кассаб». Но установлено, что сопровождавший инвентарь отражал вкусы обитателей Приволжских степей в XIII—XIV вв.¹⁷

Очевидно, что в период монголов имела место веротерпимость, и в обществе периферийных городов, каким был Миздахкан, ярко проявлялись различные веро-

⁹ Там же. С. 308.

¹⁰ Там же. С. 232, 290, 303, 304.

¹¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М., 1960. С. 84.

¹² Тизенгаузен В. Г. Указ соч. С. 235.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 396.

¹⁴ Вактуфская Н. Н. О серьгах из средневекового городища Шехрлик// История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 249; Кдырнязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII—XIV вв. Нукус, 1989. С. 98.

¹⁵ Могильников А. М. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии// Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 245. Рис. 72, 96—99; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. О. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая// Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 115. Рис. 11, 7.

¹⁶ Хожаниязов Г., Кдырнязов М.-Ш. и др. Археологические исследования в некрополе Миздахкана// Вестник ККФАН. Нукус, 1989. № 3. С. 66. Рис. 2.

¹⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 103.

вания и обряды: традиционный мусульманский культовый обряд перекликается с религиозными воззрениями кочевников.

Кочевническая культура древнего Приаралья изучена благодаря исследованиям В. Н. Ягодина на плато Устюрт, выделившего особый хронологический, огузо-кипчакский период (XIII—XIV вв.)¹⁸. Им определено несколько групп погребений того времени (Жарынкудук-14, Акчунгул-1, Казган-3, Калалык-2). В кипчакских курганах преобладают погребения с инвентарем. К тому же времени относятся и одиночные, безинвентарные могилы, связанные с кочевниками, принявшими ислам¹⁹.

Исследованиями выявлено около 30 погребений данного типа в Хорезме, главным образом в периферийных районах (Угарак, Устюрт, Миздахкан). Значительная часть их принадлежала кипчакам, во всяком случае очень вероятно принадлежность их к обрядам, совершенно не характерным для Приаральских степей до прихода монголов. В. Н. Ягодин приписывает кипчакам и могилы с захоронением костей коня, расположенных в анатомическом порядке²⁰.

В то же время возможно, что некоторые погребения золотоордынского времени могли относиться к тюрко-монгольским племенам, вошедшим в этническую группу Дешти-Кипчака и подвергшимся влиянию кипчаков. Вероятно, справедлива точка зрения С. П. Толстова²¹ и Т. А. Жданко²², согласно которым, огузо-кипчакский компонент был основным в Приаралье и в до-, и в послемонгольский период. Особый интерес представляет в связи с этим история возвышения тюрко-монгольского племени кунграт, из которого, как полагают, вышла независимая от Золотой Орды местная хорезмская династия Кунградских Суфи²³. История этой династии не могла не сказаться на этническом составе населения Приаралья.

К настоящему времени изучена серия антропологических материалов из Джанпыккала, Миздахкана, Куны-Ургенча, караван-сарая Устюрта²⁴. По физическому облику население Хорезма XIII—XV вв. по преобладающим признакам относится к европеоидному типу. Однако в Миздахкане по ряду признаков, хотя и не в «чистом» виде, встречается монголоидная примесь. Незначительный элемент ее у населения Хорезма отмечен в IX—XII вв. (Беркуткала, Нариджан, Калмыккырган, Узбой). Локальное увеличение доли монголоидной примеси связано с притоком населения из степей в северные районы. Краниологический материал в основном характеризуется брахикранным европеоидным типом Среднеазиатского Междуречья. В целом, по словам исследователей, «антропологический состав населения Средней Азии по сравнению с домонгольским периодом существенно не изменяется, наблюдается преемственность населения»²⁵. Городское население было более европеоидным, нежели сельское. Европеоидно-брахикранный тип с узким и высоким лицевым скелетом преобладает у современных узбеков Южного Приаралья²⁶. Наличие пришлых элементов в Хорезме XII—XV вв. наблюдается и по составу материальной культуры.

Анализ археологического материала хорезмских памятников, а также поселения иноземного населения на территории Хорезма помогает выявить еще одну особенность его расселения. Главными регионами расселения новых этнических элементов были города области и поселения, находившиеся на западной и северной окраинах. Это касается прежде всего оседлоземледельческих объектов возле Аккалы, Шехрлика, Булудумсаз²⁷. Антропологический материал из средневековых могил близ крепостей Акча-Гелин и Аккала принадлежал к тому же типу населения, что и обитатели Куны-Ургенча в XIV в.²⁸

Этнические контакты населения Хорезма в эпоху средневековья проявляются и в материальной культуре. Как показали исследования, в Хорезме и в кочевнических памятниках степи наблюдается распространение однотипных вещей, среди которых — вопросные серги, связанные с кипчаками.

¹⁸ Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта//Археология Приаралья. Вып. 5. Ташкент, 1991. С. 97, 127, 175—178.

¹⁹ Там же. С. 165, 167.

²⁰ Там же. С. 168, 169.

²¹ Толстов С. П. Города гузов//СЭ. 1947. № 3. С. 55—102.

²² Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса//ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. С. 479.

²³ Федоров-Давыдов Г. А. Из истории политической жизни Хорезма. XIV в.//КСИЭ. Вып. 30. М., 1958. С. 93—99.

²⁴ Трофимова Т. А. Материалы по антропологии Хорезма и сопредельных областей//ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958. С. 683—693; Ягодин В. Н. Некрополь древнего Миздахкана. 1970. С. 207—242; Ходжайов Т. К., Манылов Ю. П. Мавзолей средневекового Джанпыккала//Вестник ККФАН РУз, 1972. № 2. С. 73—78.

²⁵ Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. Антропологическая характеристика населения Мавераннахра эпохи Темуридов//ОНУ. 1996. № 4. С. 47.

²⁶ Трофимова Т. А. Указ. статья. С. 701; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Указ. соч. С. 229.

²⁷ Неразик Е. Е. Указ. соч. С. 124, 126.

²⁸ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 204.

Кипчакский этнический пласт прослеживается также в топонимике, в материалах родо-племенной структуры населения Хорезмского оазиса²⁹. Топонимика ряда населенных пунктов Приаралья показывает, что после притока кочевых племен появляются названия, связанные с родами и племенами кипчак, ктай, найман, кунграт («кипчак арна», «ман-гит арна», «кят жарган»). Эти ономастические прилагательные зафиксированы как самоназвания сформировавшихся в Приаралье племен, принявших участие в этногенезе узбеков и каракалпаков.

Некоторые типы керамики Хорезма и кочевников Великой Степи обнаруживают сходства как в форме, так и в орнаментации. В керамике Миздахкана XIII—XIV вв. встречаются новые типы, отличающиеся от хорезмской посуды золотоордынского времени. В «Восточном квартале II», в доме № 1, найдена узкогорлая плоскодонная фляга с двумя ручками на плечиках³⁰. Прочерченный и выдавленный защитными орнаментами местные сосуды, а форма и функциональное назначение их связываются с веяниями степного мира. В поселении Уйгарак (XIII—XIV вв.) встречаются лепные изделия, схожие с хорезмскими. «Эти типы сосудов,— писал С. П. Толстов,— могли быть выполнены ремесленниками по заказам кочевого и полукочевого населения окружающих степей и поэтому соответствовали традиционным формам и вкусу степняков»³¹.

Кочевнический элемент в компоненте материальной культуры Приаралья сказывается не только в археолого-этнографическом факте, но и в духовной культуре. В XIII—XIV вв. получил дальнейшее развитие хорезмийский (или джучидский) язык на кипчакско-огузской диалектной основе. На базе хорезмийского языка образовались староказахский, старокаракалпакский, старокыргызский языки с господствующими элементами и отчасти влиянием староузбекского языка³².

В целом в этот период у населения региона проявляются общность в материальной, духовной культуре, антропологическом типе, общность языка (хорезмийского) на кипчакско-огузской диалектной основе. Отмеченные факты свидетельствуют о притоке нового пришлого населения степного происхождения в оседло-земледельческую зону Хорезма. Однако степень культурного влияния пришлых элементов на оседлую среду не следует преувеличивать. Во всяком случае, городское жилище в монгольский период оставалось консервативным, а этнический компонент, связанный с кланами центральноазиатского происхождения, был незначительным. В Ургенче проживали также евреи и христиане из Восточной Европы³³. Они проникли сюда и осели в результате активного участия в международной транзитной торговле.

В рассматриваемое время население городов Хорезма, как показывают наши исследования, в социальном отношении не было однородным. Горожане по сравнению с сельским населением представляли отдельную социальную группу, выполнявшую ряд податных повинностей в пользу государства или своего феодала. Они имели право на личную собственность как на территории города, так и за ее пределами. Процесс социального расслоения городского населения нарастал. Существовала прослойка богатых горожан, которые зачастую стояли во главе квартальной общины. Сведения о них есть в «Путешествии» Ибн Баттуты, где указывается, что ему оказали честь «знатнейшие жители Хорезма», «старейшины города (Ургенча)»³⁴.

В Ургенче сосредоточивалась областная администрация с чиновничьим аппаратом. По свидетельству Ибн Баттуты, он состоял из эмиров, кади (судьи) и их помощников, шейха города («шайх ал-мадина»), правоведов и писцов. Другую группу составляли «проповедники и славословы», «мавланы» («хотиб мавлана»), «мударрисы», «табибы» (врачи). Видимо, их число было немалым, особенно там, где располагались общественно-культурные, религиозные сооружения (Ургенч, Кят, Хива, Миздахкан). Все эти духовные очаги в городах, естественно, обслуживались представителями духовенства. Это был городской патрициат. Кроме них, социальную верхушку составляли купцы, занимавшиеся внешней и транзитной торговлей.

Социально-экономический облик города определяли прежде всего ремесленники. О постоянном проживании их в городах Хорезма в письменных источниках сообщений нет. Пробел восполняется результатами археологических раскопок в Куния-Ургенче, Джанпыккале и Миздахкане. Раскопаны торгово-ремесленные сооружения: специали-

²⁹ Жданко Т. А. Степные племена Приаралья в X—XIII вв. // Очерки истории Каракалпакстана. Т. I. Ташкент, 1964. С. 132—133; Неразик Е. Е. Указ. соч. С. 202.

³⁰ Кдырниязов М. Ш. Золотая Орда и культура Южного Приаралья (кк. яз.). Нукус, 1993. Рис. 4.1.

³¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 284.

³² Баскаков Н. А. Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1988. С. 36—38.

³³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 242; После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер. с латинск. и старолатинск. языков, введение и примечания Я. М. Света. М., 1986. С. 119.

³⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 309—310.

зированный керамический цех³⁵, винодельческие мастерские, пекарни, ювелирные³⁶, косторезные и кузнечные мастерские³⁷. Имеются редкие данные о золотошвейках³⁸ и камнеобрабатывающем ремесле³⁹. Ремесленники явно составляли значительный процент населения городов.

В феодальную эпоху производительная деятельность городского населения была связана и с сельским хозяйством. Горожане, особенно социальная верхушка, приобретали земельные владения в сельской округе. Среди известных феодалов-землевладельцев того времени можно упомянуть: Шейха Сулеймана Мусави Худада, Шейха Усмана, Мухаммед Кулсака, эмира Герая Мухаммеда бин Аллаяра и др.⁴⁰ Феодалы в исследуемый период, в отличие от раннего времени, часто жили в городах.

Определенное число городских жителей составляли представители низших слоев общества, в том числе рабы. Рабов захватывали в плен во время феодальных войн или набегов на соседние области. Чаще всего их использовали в феодальном хозяйстве (как слуг). Ибн Баттута писал, что и в Золотой Орде, и в Хорезме он имел «невольника» и «слугу». Рабы использовались также в дворцовых церемониях.

В целом в ходе усиления общественного разделения труда в городах и поселках Хорезма происходит концентрация ремесла и торговли, как правило, в демографически насыщенных округах.

М.-Ш. Кдырниязов

³⁵ Кдырниязов М.-Ш., Торобеков М. Т. Ходжейли — памятник золотоордынского времени//Ходжейли — древнейший город Республики Узбекистан. Ходжейли, 1998. С. 16.

³⁶ Кдырниязов М.-Ш. Мастерские-винодельни золотоордынского Миздахкана//Вестник ККО АН РУз. 1999. № 4—5. С. 101; его ж.с. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана//ОНУ. 1999. № 5—6. С. 82—86; Алиакбарова А. Ремесленный комплекс Джанпыккала//Вестник ККФАН РУз. 1989. № 4. С. 89.

³⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала//ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958. С. 510.

³⁸ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-Кахар. М., 1971. С. 91.

³⁹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 242; Книга о драгоценных камнях Мухаммеда ибн Мансура (пер. Соколова)//Горный журнал. Кн. I. 1928. С. 10.

⁴⁰ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 169—171.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖЕНИЯ ИСЛАМСКОГО ИСКУССТВА В МАВЕРАННАХРЕ

Распространение с VII в. ислама открыло новую страницу в развитии культуры народов всего Среднего и Ближнего Востока, объединив их искусство в русле общих тенденций. Хотя сложение собственной художественной традиции в исламской культуре произошло на четыре века позже, чем утверждение господства самой религии (известно, что объективно изменения в культуре и искусстве происходят менее интенсивно, чем изменения в политической сфере), она оставалась определяющей для всех последующих веков развития, вплоть до наших дней.

Новые тенденции, отражающие характерные особенности искусства ислама, утверждаются лишь в XI—начале XIII в. Этот период, известный как Мусульманский Ренессанс, демонстрирует формирование нового стиля, отличающегося господством орнаментального начала, связанного с аниконизмом исламской эстетики, сложением системы гирихов (геометрический орнамент) и ислими (растительный орнамент, где наряду с мотивом ислими использовался и ряд других канонических элементов). Со временем, с появлением в искусстве исламских стран светских тенденций, получает широкое развитие миниатюрная живопись.

До сих пор устойчиво бытует мнение, что арабы, вторгшиеся в Среднюю Азию, принесли с собой новую культуру, новый изобразительный язык и новые орнаменты. Однако следует подчеркнуть, что местное искусство обладало куда как более развитыми формами изобразительного искусства, традиции которого сохранялись и в первые века ислама. Характерной чертой искусства той поры в Среднеазиатском регионе стал последний отблеск согдийских традиций. Искусство арабов того времени — это, прежде всего, поэзия, а на развитие художественных форм творчества они влияния не оказали. Их вклад нашел свое выражение в привнесении новой эстетики и предельной эстетизации формы, высоким уровнем абстрактного мышления, каллиграфии, ставшей важным средством художественной выразительности. Что касается систем геометрического и растительного орнамента, то они были порождением местных культур, предпосылки чему прослеживаются в искусстве Ирана и Мавераннахра еще в доисламский период. Под влиянием новой эстетики орнамент лишь меняет свой стиль в сторону большей рафинированности, изысканности формы.